

А. Граннес

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ПО РУССКОМУ
И СЛАВЯНСКОМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Под редакцией *В. Б. Крысько*

•ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ•

Москва 1998

ББК 81.2Р
Г 77

This edition was realised with a financial contribution
from the Royal Norwegian Research Council

Граннес Альф

Г 77

Избранные труды по русскому и славянскому языко-
знанию / Под ред. В. Б. Крысько. — М.: «Языки русской
культуры», 1998. — 416 с., 1 вклейка.

ISBN 5-7859-0050-5

Книга посвящена различным проблемам морфологической и синтаксической вариативности, главным образом в русском языке; в четырех статьях анализируются в сравнительном плане параллельные явления вариативности в других славянских языках — белорусском, украинском и польском. В первой части книги переиздается исследование «Просторечные и диалектные элементы в языке русской комедии XVIII века» (1974), в котором изучаются фонетические и морфологические элементы просторечного и диалектного характера в языке русской комедии и комической оперы второй половины XVIII века. Исследуемые элементы описываются в лингвостилистическом плане исходя из их «характеристической» функции в пьесах и на фоне филологических трудов Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова, Барсова и др. Русскому языку XVIII века посвящены также несколько статей о синтаксической вариативности, в которых рассматриваются: морфосинтаксическое варьирование прилагательного в объектном предикативе (конструкции типа *Они нашли его наза/назого/на зма*); категория одушевленности, а именно варьирование в падежном употреблении при существительных, обозначающих животных (неличная одушевленность, конструкции типа *Пригонять волю/волов*); родительный армени (*genitivus temporis*, например: *прошлой субботы/в прошлую субботу*). Морфосинтаксическое варьирование прилагательного в объектном предикативе в русском языке изучается и в диахроническом плане в специальных статьях, посвященных языку XI—XVII и языку XIX вв. Русское варьирование анализируется также в сравнительно-диахроническом плане в сопоставлении с польским языком и в сравнительном плане — с другими славянскими языками. Исследуется и варьирование падежного употребления числительных при выражении категории одушевленности в современном русском языке (конструкции типа *поймал двух рыбок/две рыбки*). Морфосинтаксическому варьированию существительного в составном сказуемом с формами повелительного наклонения связи посвящена статья «*Будь умница/умницей*». Морфосинтаксическое варьирование существительного в составном сказуемом с формами повелительного наклонения связи в русском, белорусском и украинском языках (конструкции типа *Будь весел/веселый/веселым*) рассматривается в трех статьях.

ББК 81.2Р

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavc@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

III 5-7859-0050-5

9 785785 900509 >

© Альф Граннес, 1998

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	9

ПРОСТОРЕЧНЫЕ И ДИАЛЕКТНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ КОМЕДИИ XVIII ВЕКА

ОТ АВТОРА.....	13

ВВЕДЕНИЕ.....	14

I. А. Обзор важнейших исследований по языку XVII—XIX веков..	14
Б. Цель настоящей работы.....	16
В. Метод исследования. Критерии выбора просторечных и диалектных элементов.....	17
Г. О выборе источников.....	19
Д. Список источников.....	20
Е. Замечания по поводу использованных изданий комедий и комических опер.....	22
Ж. Замечания об орфографии приводимых цитат из исследованных произведений и других текстов, не написанных современной орфографией.....	23
II. Краткий обзор истории русской комедии и комической оперы второй половины XVIII века.....	23
III. О языке русской комедии и комической оперы второй половины XVIII века.....	34

ФОНЕТИКА.....	48

1. Аканье.....	48
2. Отражение на письме совпадения заударных а, о, ы в одном звуке.....	51
3. Иканье.....	53
4. Яканье.....	60
5. Условное «оканье».....	61
6. Ёканье.....	64
7. Цоканье.....	65
8. Дзеканье.....	68
9. Отражение на письме твердого произношения с в возвратной частице -ся, -сь.....	70
10. Утрата интервокального / и последующее стяжение двух гласных в один.....	76
11. Утрата интервокального е.....	83

12. «Сокращенные» формы родительного и дательного падежей притяжательных местоимений <i>маво</i> (< моего), <i>маму</i> (< моему) и т. д.	84
13. «Сокращенные» формы 2-го лица единственного числа винительного, родительного, дательного и предложного падежей <i>те, ты</i>	86
14. Замена фонемы <i>ф</i> фонемой <i>х</i>	88
15. Регрессивная ассимиляция <i>-сся</i> < <i>-шься</i> в окончании 2-го лица настоящего времени возвратных глаголов	89
16. Некоторые мелкие явления в области консонантизма	91
Заключение	92
МОРФОЛОГИЯ	95
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ	97
1. Родительный падеж единственного числа на <i>-у</i>	97
2. Предложный падеж единственного числа на <i>-у</i>	136
3. Формы именительного-винительного падежа единственного числа <i>имё, семё</i>	148
4. Формы родительного падежа единственного числа без тематического <i>-ен-</i> существительных среднего рода на <i>-мя</i> (<i>-ме, -мё</i>) типа <i>время нет, у знамя</i> и т. п.	149
5. Форма творительного падежа единственного числа без тематического <i>-ер-</i> от существительного <i>дочь</i>	151
6. Вариантные формы именительного падежа множественного числа у существительных мужского рода с суффиксом <i>-ин</i> в единственном числе (формы типа <i>крестьяне, крестьяня, крестьяна; бояре, бояря, бояря</i> и т. п.)	152
7. Именительный (-винительный) падеж множественного числа на <i>-ы, -и</i> у существительных среднего рода, у существительных с основой на согласный (формы типа <i>ребяты, семьяны</i> и т. п.), у существительных с суффиксом <i>-ище</i> (формы типа <i>училищи, усищи</i>) и у существительных <i>pluralia tantum</i>	155
8. Родительный падеж множественного числа на <i>-ев, -ов</i> у существительных среднего рода	166
9. Родительный падеж множественного числа на <i>-ев (-ов)</i> у существительных женского рода	170
ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ	172
10. Формы сравнительной степени на <i>-ае, -ае, -ай, -ая</i>	172
11. Формы сравнительной степени на <i>-ея</i>	179
МЕСТОИМЕНИЕ	181
12. Формы дательного (-предложного) падежей местоимения 2-го лица единственного числа <i>тобе/табе</i> и возвратного местоимения <i>себе/сабе</i> и формы (винительного-) родительного тех же местоимений	181
13. Форма винительного падежа местоимения 3-го лица женского рода <i>ёну</i>	183

14. Форма 3-го лица множественного числа именительного падежа <i>оны</i>	184
15. Формы именительного и дательного падежей множествен- ного числа определительного местоимения <i>все, всем</i>	185
16. Об одной диалектной разновидности возвратной частицы, сходной с энклитической формой дательного падежа возвратного местоимения	185
17. Постпозитивная частица в сочетании с прилагательными и числительными порядковыми (формы типа <i>смирноят, первоет</i> и т. п.	186
ГЛАГОЛ	189
18. Образование 3-го лица множественного числа глаголов II спряжения при помощи флексии глаголов I спряжения <i>-ут, -ют</i>	189
19. Глагольно-междометные формы типа <i>глядь, прыг</i> и т. п.	192
20. Многократные бесприставочные глаголы	193
21. Деепричастные формы на <i>-учи, -ючи</i>	203
22. О двух формах деепричастия прошедшего времени: <i>взявши</i> и <i>пришедчи</i>	208
23. Диалектная полная форма инфинитива на <i>-ти</i> безударное	209
Заключение	210
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИХ СОКРАЩЕНИЙ	214
БИБЛИОГРАФИЯ	217
СОКРАЩЕНИЯ	233
УКАЗАТЕЛЬ	235

СТАТЬИ

Неличная одушевленность в русском языке XVIII века	251
<i>Роди мне три сына</i> : одушевленность русских числительных с точки зрения нормы и узуса	267
Genitivus temporis в русском языке XVIII века	275
Морфосинтаксическое варьирование прилагательных и причастий в позиции объектного предикатива в русском языке (XVIII—XX вв.)	284
Краткие формы прилагательных и причастий в позиции факультативного объектного предикатива в русском языке XVIII века	294
Морфосинтаксическое варьирование прилагательных и причастий в позиции объектного предикатива в русском языке конца XVIII века (на материале прозы Радищева и Фонвизина)	303
Морфосинтаксическое варьирование в объектном предикативе в русском литературном языке XIX века	318

Обзор морфосинтаксического варьирования в адъективном и причастном объектном предикативе в истории русского и польского языков	334
Морфосинтаксическое варьирование прилагательных и причастий в позиции объектного предикатива в новых славянских языках	350
<i>Будь умница / умницей</i>	361
Варьирование прилагательных в составном сказуемом с формами повелительного наклонения <i>будь, будьте</i>	367
Морфосинтаксическое варьирование предикативных прилагательных в конструкциях с формами повелительного наклонения вспомогательного глагола <i>быць</i> в белорусском языке	378
Морфосинтаксическое варьирование предикативных прилагательных в конструкциях с формами повелительного наклонения вспомогательного глагола <i>бути</i> в украинском языке	393
Литература	404

Отцу Алексею Стричке,
S. J., dr. ès lettres (Sorbonne),
Париж / Новосибирск

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все работы, собранные в этом томе, были опубликованы за пределами России в период с 1974 по 1996 год — либо в форме отдельной монографии, либо в виде статей на английском или русском языках. Однако даже работы, вышедшие на русском языке, в силу ряда причин нередко оставались недоступными российским специалистам. Настоящее издание как бы переносит часть моего скромного вклада в русистику «домой в Россию».

Ключевые слова для определения тематики опубликованных здесь работ — *морфологическое* и *морфосинтаксическое варьирование*. От первой работы, начатой лет 30 тому назад, — о языке комедии XVIII века — до недавних статей по вопросам белорусского и украинского языков в центре внимания стоит именно *варьирование*, будь то, например, варьирование между родительным на -у и родительным на -а в русском языке XVIII столетия или варьирование формы предикативного прилагательного в современных восточнославянских языках.

Мой метод основан на исчерпывающей выборке материала и его статистической обработке, что позволяет избежать субъективных и случайных выводов.

Альф Граннес

Бергенский университет, Норвегия

**ПРОСТОРЕЧНЫЕ И ДИАЛЕКТНЫЕ
ЭЛЕМЕНТЫ В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ
КОМЕДИИ XVIII ВЕКА**

ОТ АВТОРА

Рукопись этого исследования была в основном закончена в 1972 г. и издана в виде монографии на русском языке в Норвегии в 1974 г.*. Теперь я переиздаю ее в первоизданном виде с минимальной редактурой, не считая возможным ссылаться на новейшую литературу.

Четверть века тому назад было оправданно писать о слабой изученности языка XVIII века (см. Введение, с. 14–16), но теперь, после работ Б. А. Успенского, В. М. Живова, Г. Хютль-Фольтер и др., после выхода нескольких томов «Словаря русского языка XVIII века», ситуация коренным образом изменилась. Однако язык комедии XVIII века до сих пор остается малоизученным, и поэтому я надеюсь, что переиздание моей монографии окажется небесполезным для русского читателя.

---

* *Альф Граннес*. Просторечные и диалектные элементы в языке русской комедии XVIII века. Bergen—Oslo—Tromsø, 1974.

ВВЕДЕНИЕ

I

А. ОБЗОР ВАЖНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ЯЗЫКУ XVII—XIX ВЕКОВ

Изучение более поздних периодов истории русского языка не имеет давних традиций в славистике. Показательно, что на Втором международном съезде славистов в Варшаве в 1934 г. Б. О. Унбегаун указал на почти полную неизученность русского языка XVI—XVIII веков:

En général, les travaux sur l'histoire du russe s'arrêtent au XV-e siècle. Au delà de cette époque on n'a rien ou presque rien ... Un effort s'impose dans ces domaines et cet effort doit porter avant tout sur les XVI-e — XVIII-e siècles, période, d'une part, totalement inconnue dans l'histoire du russe, et, d'autre part, extrêmement riche en documents variés, dont une très grande partie est publiée [Unbegaun 1934: 145–146].

На слабую изученность языка данного периода указал также В. В. Виноградов в 1946 г. в статье «О задачах истории русского языка преимущественно XVII—XIX вв.» [Виноградов 1946: 223–228].

Со времени появления статей этих двух выдающихся славистов число исследований, рассматривающих язык данного периода, значительно возросло. В связи с этим следует упомянуть, что Б. О. Унбегаун и В. В. Виноградов сами внесли ценнейший вклад в эту область русистики. Достаточно указать на два исследования: [Unbegaun 1935; Виноградов 1934]. Среди исследований языка XVII века видное место занимают следующие: [Stang 1952; Черных 1953; Cosron 1962; Sørensen 1962; Котков 1963; Lunden 1972].

Среди исследований, касающихся языка XIX века, особого внимания заслуживают монография [Булаховский 1941–1948] и [Очерки 1964].

Обращаясь к XVIII веку, поражаешься, что этот интереснейший период развития русского языка и становления его как национально-литературного языка — так мало исследован¹. Данный период не освещен крупными исследованиями вроде монографии Б. О. Унбегау-

---

¹ На совещании по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени 27–30 июня 1960 г. В. В. Виноградов снова обратил внимание на весьма слабую изученность литературного языка XVIII века [1960: 3–7]. Ср. также: [Worth 1970: 125–135].

на по языку первой половины XVI века или упомянутой выше пяти-томной коллективной монографии по языку XIX века. Краткий обзор развития русского литературного языка в XVIII веке дан в двух интересных статьях Г. О. Винокура: [1959а; 1959б].

В последние два десятилетия особенно успешно ведутся исследования в области исторической лексикологии. При Институте русского языка АН СССР в Ленинграде «Группа исторической лексикологии русского языка XVIII века» трудится над созданием «Словаря русского языка XVIII века»². Сотрудниками этой группы были подготовлены следующие две книги по лексикологии XVIII века: Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. Ответственный редактор Ю. С. Сорокин. М.—Л., 1965; Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). Ответственный редактор Ю. С. Сорокин. М.—Л., 1966.

Более давние традиции имеет исследование западного влияния на лексику русского литературного языка XVIII века. В связи с этим можно упомянуть следующие работы: [Christiani 1906; Смирнов 1910; Mayer 1952; Hüttl-Worth 1956; Биржакова, Войнова, Кутина 1972].

Гораздо менее изучены вопросы фонетики, морфологии и синтаксиса языка XVIII века. Из работ по фонетике и морфологии особого внимания заслуживают некоторые статьи и кандидатские диссертации, посвященные московскому наречию, сыгравшему столь важную роль в формировании литературной нормы произношения³. Вопросы морфологии русского литературного языка XVIII века и особенно второй его половины затрагиваются также в пятитомной монографии «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века». Помимо московского наречия, другим важным предметом исследований по истории русского языка XVIII века является языковая деятельность М. В. Ломоносова. Из работ на эту тему особое место занимают две монографии: [Martel 1933; Макеева 1961]. Монография А. Мартеля содержит, помимо анализа языковой теории и практики М. В. Ломоносова, обзор важнейших этапов развития русского литературного языка XVIII — начала XIX века.

Изучение «языка и стиля писателя» является популярной темой в советском языкознании⁴. Оно основано на традиции, которая ведет свое начало еще с прошлого века. Одно из первых исследований подобного типа посвящено великому поэту XVIII века Г. Р. Державину: [Грот 1883]. Из современных исследований по языку отдельных писателей XVIII века почетное место занимает докторская диссертация Л. Шельберга: [Kjellberg 1957].

² См.: [Сорокин 1965].

³ См., например: [Чернышев 1904; Богородицкий 1902; Горшкова 1947; Люден 1956; Лихтман 1960].

⁴ См., например: [Барлас 1958; Виноградов 1959].

Большое значение, особенно для истории языка XVIII века, имеет изучение языка и стиля разных литературных жанров⁵. В качестве примера такого типа исследований можно назвать: [Кестель 1951; Берков 1949]. Однако в этой области пока еще сделано очень мало.

Язык комедии, этого популярного в XVIII веке жанра, остается мало изученным, если не считать некоторых кандидатских диссертаций и отдельных статей специального характера⁶. Исследователи, занимающиеся языком русской комедии XVIII века, чаще всего интересовались вопросами лексики. Здесь можно указать, например, на следующие две статьи: [Князькова 1965; Гомон-Дзюбанова 1958].

Что касается фонетики и морфологии языка комедии XVIII века, являющегося предметом данной работы, то можно без преувеличения сказать, что эти области остались практически неисследованными вплоть до настоящего времени. Вместе с тем язык комедии XVIII века заслуживает особого внимания, так как именно в этом жанре относительно свободно отразилась разговорная речь, о которой мы так мало знаем. Обсуждая трудности изучения разговорного языка более ранних периодов, Б. О. Унбегаун подчеркивает, что «в XVIII веке положение становится несколько благоприятнее, так как разговорная речь попадает в литературные тексты как речь персонажей гл. обр. отрицательных, т. е. как элемент жанра ...» [1968: 132].

Б. ЦЕЛЬ НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЫ

Настоящая работа ставит своей целью исследовать главнейшие фонетические и морфологические явления просторечного и диалектного характера в языке русской комедии и комической оперы второй половины XVIII века.

Прежде чем приступить к этой задаче, необходимо точнее определить сам термин *просторечный* (*просторечие*), ибо стилистическая неурегулированность литературного языка изучаемого периода сказывается в сложности и даже в некоторой противоречивости понятия *просторечие*. Е. Э. Биржакова, указывая на сложный и противоречивый характер термина *просторечие* во второй половине XVIII века, утверждает, что сам Ломоносов применял термин *просторечие* «... то для противопоставления высокому и среднему стилю речи, то в более узком плане, приравнивая его к “простонародной” речи» [1953: 20]. Сложность этого понятия нашла свое отражение и в крупнейшем памятнике литературного языка той эпохи — «Словаре Академии Российской»⁷, в котором слово *просторечие* определяется так: «Просторечие ... употребление слов простым народом», но в объяснительном примере отмечено: «Слова в про-

⁵ См.: [Виноградов 1946: 229–230].

⁶ См., например: [Гомон 1949; Биржакова 1953; Ожегов 1951] и некоторые другие.

⁷ Во втором его издании: [Словарь Академии Российской 1806–1822]. В первом издании слово *просторечие*, как ни странно, пропущено.

сторечии употребляемые суть средние между высокими и низкими» (1). Видный специалист по стилистике русского языка XVIII века, Ю. С. Сорокин, выделяет два смысловых оттенка термина *просторечие*: «С одной стороны, просторечие охватывает те черты разговорной речи, которые противостоят нейтральным формам книжного языка и его общим нормам; с другой же стороны, как просторечие часто квалифицируются и характерные русские формы в их отличии от церковнославянских форм высокого стиля» [1949: 100]. Но, разумеется, между двумя смысловыми оттенками термина просторечие нет четких границ, и дифференциация Ю. С. Сорокина поэтому носит несколько условный характер. В настоящей работе термин *просторечие* (*просторечный*) применяется в самом широком смысле, т. е. включает в себя оба смысловых оттенка, указанных Ю. С. Сорокиным. *Просторечие* в этом широком смысле было важнейшим компонентом ломоносовского «низкого штиля».

Термин *диалектный* имеет несколько менее сложный характер. Локальная ограниченность и противостояние нормам литературного языка являются определяющими признаками диалектных элементов. Употребление диалектных элементов⁸ в литературе, даже в «подлых комедиях», не предусматривалось создателем «трех штилей». Теория трех стилей — это теория стилей *литературного* языка. Диалектные же элементы являются «внелитературными». Правда, по причине весьма слабой изученности языка XVIII века, в частности его диалектов, и по причине неурегулированности норм литературного языка бывает подчас трудно определить диалектный характер того или иного языкового явления. Необходимо также учитывать, что диалектные в своей основе явления, попавшие в литературный оборот, могут стать общеупотребительными, просторечными или даже стилистически нейтральными. В XVIII веке нет определенной, четкой границы между диалектными, просторечными и стилистически нейтральными элементами языка⁹.

В. МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ. КРИТЕРИИ ВЫБОРА ПРОСТОРЕЧНЫХ И ДИАЛЕКТНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

Оговариваемся заранее, что предлагаемый в настоящей работе материал не является исчерпывающим. Это объясняется частью неурегулированностью вышеназванных категорий, частью богатством языкового материала комедий.

В области *фонетики* мы выделили и рассмотрели лишь те явления, которые в силу своего «нелитературного» и даже диалектного характера могли применяться в *характерологических функциях*.

⁸ См., например: [Гомон-Дзюбанова 1958: 4; Князькова 1965: 179].

⁹ См.: [Гомон-Дзюбанова 1958: 154; Горшков 1963: 53; Сорокин 1949: 100–101].

Тем самым мы вносим свой скромный вклад в фоностилистику русского языка второй половины XVIII века¹⁰. Изучаемые явления встречаются в довольно ограниченном количестве в проанализированном корпусе и почти все включены в наше исследование; оставлены лишь некоторые единичные формы.

В области *морфологии*¹¹ мы не ограничились только теми немногочисленными явлениями, которые по причине своей «нелитературности» применялись в характерологических функциях, но включили также в наш анализ большинство явлений, которые: а) находились в рамках языка собственно литературного, но все-таки признавались «низкими» в грамматических трудах изучаемой эпохи¹², б) по теории не квалифицировались как «низкие», но о которых известно из истории языка, что применялись они преимущественно в жанрах, язык которых близок к народной речи¹³, в) были неосознанными (и, следовательно, не использовались в специальных функциях) морфологическими диалектизмами, отражающими диалектную основу писателя, но по причине своего нелитературного характера не оговорены в весьма нормативных грамматиках изучаемой эпохи.

Обсуждая употребление и стилистическую значимость изучаемых явлений, к которым можно применить данное Н. Э. Энkvистом удачное название «style markers» [Enkvist 1971], мы учитываем высказывания тогдашних грамматистов и писателей и иногда приводим отрывки из языковой полемики о соответствующих явлениях. Часть приведенного материала взята из таких редких и малораспространенных изданий, как, например, грамматики Н. Г. Курганова, Е. Б. Сырейщикова и А. Д. Байбакова [Курганов 1769; (Сырейщиков) 1787; Байбаков 1794], и мы надеемся поэтому, что этот материал сам по себе пред-

¹⁰ О слабой изученности фоностилистики русского языка вообще пишет в своей монографии М. Шапиро: [Shapiro 1968: 7]. О самом понятии *фоностилистики* см.: [Trubetzkoy 1962: 17–29, глава «Phonologie und Lautstilistik»].

¹¹ Разумеется, подобная классификация языковых элементов на явления *морфологические* и явления *фонетические* часто носит несколько условный характер. Так и в нашем материале есть явления, стоящие на границе между морфологией и фонетикой. Утрата интервокального *j* и последующее стяжение двух гласных в один — явление в своей основе фонетическое, но может по говорам закрепляться за определенными грамматическими формами, т. е. морфологизоваться. Зачатки такой морфологизации отмечены в нашем материале (см. с. 91). Морфологизоваться могут также «сокращенные» формы родительного и дательного падежей местоимений притяжательных *моего* > *маво*; *моему* > *маму* и т. д. (см. с. 95) и «сокращенные» формы местоимения 2-го лица ед. ч. винит., родит., дат. и предл. падежей *те*, *тя* (см. с. 97) и др.

¹² «В работах Ломоносова, особенно в “Российской грамматике” и “Риторике”, а также в грамматических трудах авторов, ориентировавшихся на теорию о трех “штилях” Ломоносова, четко и подробно указывается на производительные (фонетические) и грамматические различия между двумя полярными “стилями” — высоким и низким» [Шкляревский 1968: 62].

¹³ Имеем в виду такое явление, как, например, бесприставочные многократные глаголы. См. с. 194.

ставляет интерес для исследователей, не имевших возможности ознакомиться с данными трудами.

Определяя диалектную принадлежность ряда фонетических и морфологических явлений, мы, по причине слабой изученности русских диалектов XVIII века, вынуждены сослаться также на данные современных диалектов.

Г. О ВЫБОРЕ ИСТОЧНИКОВ

Как утверждает П. Н. Берков, «... реальный язык русского общества XVIII века в различных классовых его проявлениях может быть лучше всего изучен именно в, так сказать, массовой комедии тех лет, в каком-нибудь “Зговоре” Лукина (издан анонимно в 1783 г.), в “Походе под шведа” И. Кокоскина (1790), в “Побеге от долгов, или Раскаившемся моте” И. Нехачина (1792) и т. д., и т. д.» [1949: 49]. Исходя из подобных соображений, мы в данной работе, за исключением некоторых произведений таких корифеев, как А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин и В. В. Капнист, использовали главным образом «второклассные» комедии малоизвестных и неизвестных комедиографов. Язык таких произведений до сих пор оставался мало исследованным, как указывает Ю. С. Сорокин:

Если известное внимание историков языка было привлечено к произведениям некоторых писателей-корифеев, то оно почти не распространялось на явления рядовой литературы. Между тем в речи «малых сих» нередко те или иные новые «веяния» отражаются непосредственнее, скорее, еще до того, как получают окончательную канонизацию и авторитетное признание со стороны бесспорных мастеров языка [1965: 11].

В настоящем исследовании использовано 40 комедий и комических опер, начиная с трех комедий А. П. Сумарокова 1750 года и кончая комедией В. В. Капниста «Ябеда» 1798 года¹⁴. По мере возможностей произведения равномерно распределены внутри указанного отрезка времени. Из каждого десятилетия¹⁵, за исключением 50-х годов¹⁶,

---

¹⁴ Первоначальная редакция комедии была завершена в 1792 году, но в настоящем исследовании использована окончательная редакция 1798 года (См. примечания Д. С. Бабкина в использованном нами издании: [Капнист 1960: 748 и сл.]).

¹⁵ Годы написания разных комедий и комических опер изучаемого периода не всегда можно установить с абсолютной точностью, и в литературоведческих работах отмечаются иногда расхождения между разными исследователями по вопросам датировки произведений. Мы поэтому старались выбрать произведения, о которых, по крайней мере, с точностью установлено, в каком десятилетии они написаны.

¹⁶ Число комедий, написанных в этом десятилетии, весьма ограничено. Располагаем лишь тремя комедиями Сумарокова.